

5. Кукиер Р. Психодрама Человечества. Действительно ли это утопия? / Р. Кукиер // Психодрама и современная психотерапия. – 2004. – № 4. – С. 29–42.
6. Левин К. Теория поля в социальных науках / Курт Левин ; [пер. с англ. Е. Сурпина]. – СПб. : Речь, 2000. – 368 с.
7. Хеллингер Б. Порядки любви: Разрешение системно-семейных конфликтов и противоречий / Б. Хеллингер. – М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2001. – 400 с.
8. Foulkes S. H. Gruppenanalytische Psychotherapie / S. H. Foulkes. – München : Kindler, 1974.
9. Донченко Е. А. Фрактальная психология (Доглубинные основания индивидуальной и социальной жизни) / Е. А. Донченко. – К. : Знання, 2005. – 323 с.
10. Nichol B. The Group Unconscious [Електронний ресурс] / B. Nichol; Business Coach Institute. – 2001. – Режим доступу : http://www.businesscoachinstitute.com/library/group_unconscious.shtml.
11. Singh A. The Group Unconscious: A Synthesis Paper [Електронний ресурс] / A. Singh. – 2005. – Режим доступу : <http://www.johnniemoore.com/blog/archives/synthesis.pdf>.
12. Wells L. Jr. Feedback, the Group Unconscious, and the Unstated Effects of Experimental Methods / L. Jr. Wells // The Journal of Applied Behavioral Science. – 1992. – Vol. 28. – № 1. – P. 46–53.
13. Берн Э. Групповая психотерапия / Э. Берн ; пер. с англ. – М. : Академ. проект, 2000. – 464 с.
14. Витакер Д. С. Группы как инструмент психологической помощи / Д. С. Витакер ; пер. с англ. – М. : Независ. фирма “Класс”, 2006. – 432 с.
15. Шутценбергер А. А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы / А. А. Шутценбергер. – М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2005. – 240 с.
16. Boszormenyi-Nagy I. Invisible loyalties / I. Boszormenyi-Nagy, G. V. Spark. – New York : Harper & Row, 1973.

© Горностай П. П.

АЛЬТРУИЗМ И АГРЕССИЯ: СРАВНЕНИЕ ВИДОВ И ФОРМ

В. Р. Дорожкин, г. Симферополь

Статтю присвячено дослідженню різних видів і форм альтруїзму та агресії. Основні ідеї даної роботи базуються на новій концепції альтруїстичної поведінки, яку запропонував автор, що дає змогу вивчати альтруїзм і агресію як амбівалентні явища, що мають схожу сутність. Досить детально розглядаються функції альтруїзму та агресії, висвітлюється взаємозв'язок цих форм активності за базовими життєвими цілями.

Ключові слова: альтруїзм, агресія, функції альтруїзму та агресії.

Статья посвящена исследованию различных видов и форм альтруизма и агрессии. Основные идеи данной работы базируются на новой концепции альтруистического поведения, которую предложил автор, что позволяет изучать альтруизм и агрессию как амбивалентные явления, имеющие сходную природу. Достаточно подробно рассматриваются функции альтруизма и агрессии, освещается взаимосвязь этих форм активности по базовым жизненным целям.

Ключевые слова: альтруизм, агрессия, функции альтруизма и агрессии.

The paper researches various types and forms of altruism and aggression. The main ideas are based on the new author's concept of altruistic behavior that allows to study altruism and aggression as ambivalent phenomena with a similar nature. The author examines in detail the functions of altruism and aggression. Special focus is put on the correlation of these forms of activity concerning the vital values.

Key words: altruism, aggression, functions of altruism and aggression.

Проблема. В многочисленной психологической литературе, посвященной агрессии и альтруистическому поведению (Г. М. Андреева, Л. Н. Антилогова, Р. Бэрон, Б. И. Додонов, З. С. Карпенко, Д. Майерс, Н. И. Сарджвеладзе), практически никогда эти процессы не рассматриваются рядоположено, во взаимосвязи и взаимоопределении. Между тем данные этологов (М. Л. Бутовская, У. Д. Гамильтон, О. А. Гильбурд, В. Р. Дольник, В. П. Ефроимсон, А. И. Протопопов, Р. Л. Трайверс, В. П. Самохвалов, И. Эйбл-Эйбесфельдт) и представителей психоаналитического подхода к человеку (Д. В. Винникот, М. Кляйн, К. Менингер, А. Фрейд, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни, К. Г. Юнг) указывают на значительную родственность между названными видами активности, открывают единство их функционального значения для общества и отдельного индивида, что позволяет расставить их по разные стороны единого континуума поведения. В результате продвижение в понимании агрессии способствует и лучшему узнаванию альтруизма, а новые исследования альтруистической активности позволяют нам лучше осознать значение и сущность самой агрессии.

Цель статьи: сравнение видов и форм альтруистического и агрессивного поведения.

В своей работе мы будем пользоваться одной из принятых классификаций агрессии [1] и нашей собственной типологией видов и форм альтруизма [2]. Ранее [2; 3] нами уже рассматривались отдельные взаимосвязи между агрессивной и альтруистической формами поведения. Так, было установлено:

1. Агрессия может выступать как реакция, сопутствующая некоторым видам альтруизма.

Вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что моральное наказание – одно из действенных средств воспитания вообще и обучения альтруистическим нормам поведения в частности. Еще Р. Л. Трайверс говорил о том, что альтруизм может быть адаптивным только в том случае, если присутствуют адекватные “полицейские” механизмы, к которым он относил, в том числе, моральную агрессию в ответ на некооперативное поведение [4].

Другой пример – когда агрессия сопутствует альтруизму – лучше всего иллюстрируется поведением лидера в такой группе, которая охвачена паникой из-за возникшей экстремальной опасности. С одной стороны, лидер предельно жесток и деспотичен, с другой – он поступает альтруистически, сохраняя группу и жизнь отдельных людей.

2. “Избыточный” альтруизм может быть скрытой формой агрессии.

Широко распространенное поведение некоторых матерей, которые ради своих детей “куска недоедают”, “лучшее отдают” и “всю жизнь бросили к их ногам” (о чем, кстати, не забывают сообщать своим отпрыскам каждый раз), формирует чувство вины, которое дети отработывают потом всю жизнь. Причем это чувство вины столь мощное, а долг столь “неоплатен”, что позволяет подобным матерям удерживать своих потомков на “коротком поводке” вплоть до старости (не до своей, а до их). Психотерапия с женщинами, придерживающимися такой стратегии, выявляет у них сильную агрессивность, перенаправленную на ребенка. На выходе эта стратегия полностью дезадаптирует саму женщину и социально инвалидизирует ее ребенка.

3. Агрессивные стычки обычно завершаются альтруистической реакцией примирения.

По данным М. Л. Бутовской, примирение используется детьми, начиная уже с 2-летнего возраста [5]. У некоторых из них есть даже ряд правил примирения, к которым относится, например, что “тот, кто инициировал конфликт, должен инициировать и примирение”, либо “каждый должен всегда защищать жертву агрессии”. В основу примирения положена гипотеза восстановления социальных отношений, предложенная Ф. Ваалом и Э. Росмаленом [там же]. Согласно этой гипотезе, в группах у социальных видов бывшие соперники “заинтересованы” в скорейшем восстановлении нарушенных связей с товарищем по группе.

На приведенных примерах хорошо прослеживается последовательность активации альтруистических процессов, которые венчают

акт агрессии примирением (или хотя бы переживанием этого примирения во внутреннем плане в виде чувства вины).

4. Мотив альтруистического поведения может базироваться на аутоагрессии, один из интрапсихических вариантов представления которой – чувство вины.

Действительно, чувство вины принуждает нас совершать поступки, призванные его компенсировать или хотя бы смягчить. Наиболее часто эти поступки носят альтруистический характер в отношении референтных других. Интересной же особенностью чувства вины является тот момент, что зачастую оно вызвано не “реальной виноватостью” перед социальным партнером, а собственной аутоагрессивной установкой, которая и начинает “править бал” в мотивации альтруистического поведения.

Кроме перечисленных аспектов взаимовлияния агрессивного и альтруистического поведения, в литературе подробно описана также взаимосвязь альтруизма и эгоцентрической мотивации [6; 7], альтруизма и стремления к контролю и доминированию [8], альтруизма и попытки подчинить человека, принимающего благотворительный акт [9].

Другими словами, становится очевидным, что исследование альтруистического поведения в “чистом виде”, как и изучение агрессии “самой по себе”, не вполне корректно с точки зрения получения достоверных данных об этих явлениях. Эти две формы активности в большинстве случаев идут рядом, взаимопересекаются по функциям и итоговым значениям. Поэтому и рассматривать их необходимо совместно как параллельные процессы, аналогично тому, как рассматривают силы притяжения и отталкивания в физике.

Мы определяем альтруизм как поведение, связанное со значительной уступкой ресурса в пользу более ценного объекта [2]. В рамках нашего подхода предлагаем различать природную/истинную и социальную формы альтруистического поведения. Критерием дифференциации двух форм альтруизма, по нашему мнению, служит различие в самом объекте альтруистического действия [там же]. В случае природного альтруизма в качестве более ценного выступает внешний объект (представитель референтной группы, родственник, отпрыск, некая группа, популяция в целом и т. д.); в ситуации социального/культурного альтруизма – внутренний объект (Эго-идеал, интериоризированный и вошедший в структуру Суперэго внешний объект). Различение названных форм альтруизма можно проводить также и по степени врожденности/приобретенности: первая форма альтруизма базируется на инстинктивной программе и носит выраженный императивный характер, вторая гораздо меньше основывается на инстинкте, в большей степени культурно-приобретена, а следовательно, ей предшествует не-

кая система воспитательного воздействия [там же]. Более того, так как социальный альтруизм – это поведение, направленное на получение одобрения от Суперэго, то те моральные чувства, которые испытывает альтруист (моральное удовлетворение, самопоощрение, гордость за самого себя, уменьшение чувства вины и пр.) также культурно приобретаются и развиваются в процессе социализации.

Предлагаемая классификация форм альтруизма позволяет к природной форме отнести *родственный/родительский* (забота о своих детях, родственниках; уступка для них собственного ресурса и подавление в отношении них своей агрессивности), *половой* (забота об объектах противоположного пола; программа ухаживания, которая встречается преимущественно у мужчин в отношении женщин), *реципрокный/ранговый/коалиционный* (взаимный обмен ресурсом, отношением, статусом и т. п., основанный на императивном законе, обязывающем “давать-брать-возмещать”) и *принудительный* альтруизм (предупредительная уступка своего ресурса в отношении более сильного и иерархически успешного партнера по контакту); а к социальной или культурно-заданной форме – *морально-нравственный* (базируется на моральных и этических принципах, заложенных в основу понимания в данной культуре добра и блага) и *невротический* (связан с бессознательной подменой мотивации поведения, вызванной слабым Эго субъекта) виды альтруизма (подробнее о видах альтруизма см. в [2]).

Агрессия также не является однородным явлением. На сегодняшний день выделяют значительное число ее видов и форм, строят различные типологии агрессивного поведения. Например, существует классификация агрессии по типу объекта, на который она направлена (гетеро- и аутоагрессия), по причине возникновения (реактивная и спонтанная), по целенаправленности (инструментальная и мотивационная), по степени открытости проявления (прямая, косвенная и негативизм), по форме (вербальная, экспрессивная и физическая) и пр. В то же время в данной статье мы воспользуемся классификацией агрессивного поведения, которая принята в рамках эволюционной психологии и этологии [1], так как, на наш взгляд, она достаточно полно охватывает все возможные мотивационные нюансы агрессивного поведения.

В рамках данной классификации агрессивного поведения выделяют *иерархическую* (борьба за сохранение и повышение статуса, “борьба за фаллос”), *половую* (борьба с конкурентами своего пола), *родительскую* (защита детей и производная от нее – защита более слабых), *территориальную* (охрана и защита собственной территории/своего места) и *критическую* (прерывание сближения с угрожающим объектом) агрессию, а также *агрессию, вызванную помехой* (фрустрационная теория агрессии), *агрессию женщин на чужих детей* (редукция биоло-

гической программы, направленная на повышение вероятности выживания собственного потомства) и *смещенную агрессию* (перенаправленное агрессивное действие). В настоящее время данные виды агрессивного поведения претерпели значительные метаморфозы и включают большое число дериватов. Например, к иерархической агрессии можно отнести и прямую физическую атаку, угрозы и демонстрации, и колкости, подшучивания, и ведение споров, и “соревнования” коллекциями и достижениями, и демонстрации выдержки, молчаливого сопротивления и т. п. Тем не менее останавливаться на этом подробно мы здесь не будем. Цель данной статьи – сравнить между собой виды агрессивного и альтруистического поведения по тем итоговым целям, на которые они направлены. Для этого мы систематизируем данные (табл.), а затем проанализируем результаты.

Таблица

Цели агрессивного и альтруистического поведения

Тип агрессии	Цель данного вида поведения	Вид альтруизма	Цель данного вида поведения
иерархическая	повышение собственного ранга/статуса	ранговый	создание альянса, союза для противостояния внешним объектам и повышение за счет этого собственного ранга/статуса
половая	устранение полового конкурента/ установление контакта с объектами противоположного пола	половой	устранение полового конкурента/ установление контакта с объектами противоположного пола
материнская	адаптация потомства, повышение собственной итоговой приспособленности	родительский/ родственный	адаптация потомства, повышение собственной итоговой приспособленности
территориальная	защита территории	коалиционный	защита территории
агрессия, вызванная фрустрацией	снятие напряженности/ устранение помехи	принудительный	разрядка собственного напряжения
агрессия на чужих детей	повышение вероятности адаптации собственного потомства	реципрокная забота о чужих детях	повышение вероятности адаптации собственного потомства

Как видим, альтруистическая стратегия нередко выступает альтернативой по отношению к агрессивному поведению и направлена в конечном итоге на достижение тех же самых жизненных целей. Это значит, что в рамках воспитательной программы можно приучать последующие поколения к альтернативной в отношении агрессии стратегии поведения. Действительно, для того чтобы, например, добиться расположения женщины, можно отогнать от нее всех конкурентов и соперников (половая агрессия), а можно быть более заботливым и внимательным к ней самой (половой альтруизм); чтобы повысить свой статус, можно “устранять” претендентов (иерархическая агрессия), а можно создавать альтруистические альянсы и помогать друг другу (ранговый альтруизм) и т. п. У человека появляется выбор, а значит, возникает большая вариативность собственного поведения. Более того, это поведение может быть направлено в сторону альтруизма, кооперации, взаимной помощи и нести импульс объединяющего взаимодействия.

Выводы:

1. Агрессия и альтруизм представляют полюса единого континуума поведения, взаимосвязаны между собой и являются амбивалентными стратегиями, направленными на достижение сходных жизненных целей.
2. Широкое видовое разнообразие альтруизма и его сходство с агрессивным поведением по итоговым целям позволяет достигать этих целей с помощью более прообщественной активности, чем агрессивная стратегия, реализуя в качестве альтернативы альтруистическую программу.
3. Пластичность поведения и психики в целом, базирующаяся на возможности реализации альтернативных поведенческих программ, задает и перспективные направления для психотерапии/психокоррекции. В частности, терапевтическая помощь может быть направлена на формирование большей альтруистичности у клиентов, гуманизацию их сознания и личности.

Литература

1. Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы / В. Р. Дольник. – СПб. : Петроглиф, 2007. – 352 с.
2. Кейсельман (Дорожкин) В. Р. Альтруизм: так называемое добро / В. Р. Кейсельман (Дорожкин). – Симферополь : Таврия, 2010. – 348 с.
3. Кейсельман (Дорожкин) В. Р. Альтруизм и агрессивное поведение человека / В. Р. Кейсельман (Дорожкин) // Соціальна психологія. – 2010. – № 5 (43). – С. 35–45.
4. Trivers R. L. The evolution of reciprocal altruism / R. L. Trivers // Quarterly Review of Biology. – 1971. – Vol. 46. – P. 35–57.

5. *Бутовская М. Л.* Агрессия и примирение у московских школьников младшего возраста / М. Л. Бутовская, А. Г. Козинцев // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 4. – С. 122–139.
6. *Фрейд А.* Теория и практика детского психоанализа / А. Фрейд. – М. : Эксмо-Пресс, 1999. – Т. 1. – 384 с.
7. *Фромм Э.* Искусство любить: исследование природы любви / Э. Фромм. – М. : Педагогика, 1990. – 159 с.
8. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. Самоанализ / К. Хорни. – М. : Айрис-Пресс, 2004. – 404 с.
9. *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / М. Мосс. – М. : Восточная литература, РАН, 1996. – 360 с.

© Дорожкин В. Р.

УМОВИ І МЕХАНІЗМИ ФОРМУВАННЯ У МОЛОДІ НАВИЧОК КОМАНДНОЇ ВЗАЄМОДІЇ

Л. О. Кияшко, Г. О. Мозолева, м. Київ

Представлено структурно-функціональну модель ефективної діяльності команди, характеристики її складових. На прикладі діяльності команди волонтерів виявлено умови і механізми впливу командної діяльності на особистісний розвиток та навички соціальної взаємодії її членів. Обґрунтовано потребу психологічної підтримки діяльності громадських організацій та рухів для розвитку їхнього фасилітативного потенціалу.

Ключові слова: волонтерський рух, ефективність командної діяльності, функціонально-рольові позиції в команді.

Представлена структурно-функциональная модель эффективной деятельности команды, характеристики ее составляющих. На примере деятельности команды волонтеров определены условия и механизмы влияния командной деятельности на личностное развитие и навыки социального взаимодействия ее членов. Обоснована необходимость психологической поддержки деятельности общественных организаций и движений с целью развития их фасилитативного потенциала.

Ключевые слова: волонтерское движение, эффективность командной деятельности, функционально-ролевые позиции в команде.

The article describes a structural and functional model of effective team work. The components of the model and their characteristics are analyzed. Conditions and mechanisms of team's activity impact on the personal development and social interaction skills of group members are determined using the example of volunteers' team activity. Furthermore, the author substantiates the necessity of psychological support for activity of